

Ястреб и петух

Жил в сосновом бору ястреб — светлые брови, жёлтые глаза, серая грудка в крапинку.

И, — хотите верьте, хотите не верьте — было у ястреба жемчужное ожерелье, а на голове, на самой маковке, красовался алый гребешок.

А ещё ястреб был очень добрым. Очень добрым и компанейским. И поэтому всё летал в деревню к петуху с курицей, гостил у них по целым дням.

Клюёт, бывало, вместе с ними из корыта-кормушки ячмень да пшеницу, а сам курице благодарно говорит:

— Какое вкусное угощение! Давайте, курочка — рябочка, я за это вас летать научу...

А курице летать хочется, да смотрит она не столько на ястреба, сколько на его ожерелье, на белоснежные, на тонкой нитке жемчуга:

— Ах, кудах, вот бы такую прелесть мне!

И вслед за ястребом короткими своими крыльями взмахнёт, чуть-чуть над лужайкой взлетит, да на ожерелье ястребиное засмотрится, крыльями махать забудет и — кувыркнётся... Взлетит, засмотрится и — кувыркнётся... Так обучение полёту у неё дальше этого и не пошло.

А петух тем временем всё глядел на ястребиный гребешок. У него-то у самого росли в ту пору на макушке лишь гладенькие перышки, и петух тоже, как курица, думал: “Вот бы и мне на голову такое, как у нашего гостя, замечательное украшение...”

И сначала петух задумал вырастить себе алый гребешок сам.

На алой заре пробудится, прокукарекается, встанет под широкий, весь в росе, лопух. Стоит, ждёт, когда капнет оттуда розовая от зари росинка ему на голову. И вот росинка — шлёп! — а петух вздрогнет, мчится в курятник к курице:

-Глянь! Что-нибудь выросло на моей макушке? Курица смотрит, говорит:

— Нет...

И тогда ждёт петух дождика с радугой. И когда дождик нальёт лужи, а в них отразится радуга, то петух пробует радугу подчерпнуть лапой, оплеснуться семицветной водичкой.

Потом курицу спрашивает вновь:

— Ну, а теперь?

— А теперь, — отвечает курица, — опять ничего нет. Даже зоркие малыши-цыплята и те говорят:

— У тебя всё такие же перышки. Они — лишь мокрые.

И вот горевал, горевал петух, да с горя и решился на непохвальное дело. Разыскал за хозяйской избой, за своим курятником, за двором в чертополохе пару семечек дурманной сон-травы. И когда ястреб прилетел в гости, петух подсунул семечки в корыто, в ячмень.

— Клюйте, дорогой ястреб, здесь... С этого края угощение слаще.

— Что ж! — радуется ястреб. — Если слаще, то и поклюём!

И — клюнул. А как клюнул, так в глазах у него пошли сонные круги. И он зевнул, пошатнулся, да прямо у корыта и повалился. Лежит, голову — под крыло, даже похрапывает; курица ахает:

— Ах! Он почему-то уснул!

— Не ахай — спешит петух, — а забирай ожерелье. Тебе ведь очень этого хотелось.

Да сам ожерелье с ястреба и снял, сам накиннул на курицу; шапочку-гребешок тоже с головы ястреба сдёрнул, напялил на собственную макушку.

- Теперь, — говорит, — прятаться бежим... Только вот петух-то и вправду умчался, а курица не может ступить даже шага. Склонила голову набок, разглядывает на себе ожерелье, от счастья глаза так и закатывает:

— Ох-ох! Квох-квох!

Но тут сонные семечки действовать перестали — ястреб проснулся. Чувствует он, что голове холодно, что гребешка нет, увидел свои жемчуга на курице: вся доброта с ястреба-долгой.

— Эх, ты! Как не совестно тебе! А ещё училась у меня летать!

— Это не я.. — отступает сконфуженно курица. — Это всё устроил петух...

Да ястреб уже не слушает. Дёрнул ястреб кривыми когтями ожерелье к себе, тонкая нитка натянулась. Натянулась, лопнула — жемчужинки мелким градом разлетелись по траве, упали в густую листву, в высокие ромашки.

А тут на шум из избы выскочил хозяин, затопал по крыльцу, сердито замахнулся:

— Что за незваный гость во дворе у меня? Кыш! Ястребу делать нечего. Ястребу теперь самому надо спасаться. Полетел он без жемчугов, без гребешка к себе в дальний бор. Только и успел курице погрозить:

— Как ты да петух со мной поступили, так и я теперь буду с вами... Вы у меня самое дорогое утащили, и я у вас когда-нибудь самое лучшее отберу!

И-верно. Повела курица на прогулку цыплят, с ними ходит, любит на них.

Петух тоже на деток радуется, гордо покачивает алым гребешком:

-Вот какие у нас ребята! Пушистенские, черногла-зенькие.

Вдруг на двор упала быстрая тень. Петух видит — ястреб! Да не просто он, ястреб, теперь летит, а так на петуха да на цыплят когтями и целится.

— Караул! — всполошился петух. — Сейчас цыплятам нашим будет беда, и сам я без гребешка останусь!

Нырнули цыплята, петух, курица под низенькое крыльцо. Кричат криком, вызывают снова на помощь хозяина. А ястреб прошумел крыльями над самым крыльцом, пригрозил грозней прежнего:

— Прячьтесь не прячьтесь — теперь всегда будет так!

Приуныл петух:

— Охохонюшки. Придётся, курочка-лапушка, нам это дело как-то исправлять! Гребешок возвращать жалко, а вот жемчуга вернуть надо бы. Идём их всё-таки поищем.

Но драгоценные бусинки уже раскатали по своим подземным кладовкам мышки-норушки да кроты. И петух с курицей ничего, кроме дождевых червяков, не нашли ни по первому, ни даже по второму и по третьему разу.

Ищут они жемчужинки и теперь. Ищут вместе с цыплятами. А как завидят ястреба, так всем стадом бегут под крыльцо. А, спрашивается, почему? Да всё лишь потому, что петух и курица один лишь разок, но всё же позавидовали красоте чужой. Чужой красоте позавидовали, а про свою — забыли. Ведь если бы они в самом начале спросили своих собственных цыплят: “Кто краше? Ястреб с гребешком и в ожерелье или мы — ваши родители, без гребешка и без ожерелья?” — то цыплята бы ответили вмиг: “Конечно, вы!”